

Мужун Чуи и остальные даже не подозревали, что в глубине Пещеры Смешения Небес, в какой-то из теней, за ними молча наблюдал Цзян Есюэ. В его глазах читалась сложная гамма чувств.

Вдруг Цзян Есюэ резко опустился на колени, его лицо исказилось от боли, он до боли закусил губу, а пальцы впились прямо в каменную колонну.

Лишение ядра духа — вот и настала плата, о которой говорил старик. Его ноги постепенно теряли чувствительность, но этим дело не ограничивалось: к онемению добавилась невыносимая боль, будто жилы вытягивают и кости ломают.

Пот лился градом, в голове Цзян Есюэ царил полный хаос. С трудом собрав остатки рассудка, он заставил себя прочесть заклинание и покинуть то место, вернувшись к кровавому пруду, в ту самую руину.

— Цзян Есюэ, теперь... больше не осталось перед кем быть в долгу, теперь можно наконец обрести покой...

Он уже не понимал, в сознании ли он, и лишь бормотал что-то себе под нос, пока наконец не потерял сознание прямо среди руин. Маленькая фигурка съежилась в комочек, и впрямь становясь совсем незаметной.

Прошло несколько дней.

Старик ушел на несколько дней, а когда вернулся, то застал Цзян Есюэ сидящим в инвалидном кресле с абсолютно беззаботным видом. Тот держал в руках какую-то ярко-красную книжонку и увлеченно хохотал.

— Снежок, у тебя просто поразительное самообладание! В таком состоянии, а все равно так весело смеешься, — старик решительно не мог его понять. Цзян Есюэ даже не обратил на него внимания, продолжая вчитываться в книгу в своих руках, но всё же ответил:

— Подумаешь, снова сесть в инвалидное кресло. Разве я раньше не сидел в нём добрый десяток лет? Привыкну со временем, просто потом выбираться куда-нибудь погулять станет не слишком удобно. Но, к счастью, я в своё время проявил сообразительность и не забыл оставить себе инвалидное кресло, иначе сейчас мне пришлось бы сидеть прямо на земле.

— Ну ты... Эх, нельзя же быть настолько оптимистичным! Потоскуй ты хоть немного, дай старому чудаку утешить тебя, а? — на лице старика читалось полное надежды ожидание. Он давным-давно заготовил речи для утешения, но подобная реакция собеседника лишила его даже возможности их применить.

Однако Цзян Есюэ даже не поднял головы и равнодушно произнёс:

— Зачем мне утешения? В те годы, когда я стал калекой, никто не решался меня утешить. Просто сейчас я слишком явно это показываю, вот наконец-то кто-то, пересилив гордость, и

прибежал бросить мне подачку в виде жалости.

По идее, рассуждения такого рода были вполне естественными, но когда их произносил человек, полностью лишённый воспоминаний, это выглядело несколько странно.

Взгляд старика на мгновение затуманился, и он произнёс:

— Снежок, ты...

Он хотел спросить, не вернулась ли к нему память. Но не успел договорить, как его прервали.

Раздался голос Цзян Есюэ:

— Память не вернулась. С чего бы ей так легко и удачно восстановиться? Я просто внезапно понял те чувства, что таились в оставленном им послании. И даже не спрашивай, как я смог это понять, если отсек все семь чувств и шесть желаний. Это ощущения, которые вовсе не зависят от семи чувств и шести желаний.

Цзян Есюэ был прав: старик как раз собирался заговорить о семи чувствах и шести желаниях, но никак не ожидал, что собеседник ответит на всё разом. На мгновение в его голове словно замкнуло проводку, и он, пару раз кашлянув, так и не смог сообразить, что же ему сказать. Наконец, наблюдая за выражением его лица, старик произнес:

— Сяо Сюэ, хочешь выйти развеяться? Старик может отправить тебя погулять?

Пожалуй, прогулки были для Цзян Есюэ самым интересным занятием с момента пробуждения, и всякий раз ему приходилось долго торговаться со стариком, прежде чем тот разрешал ему немного поразвлечься. Но он никак не ожидал, что на этот раз старик предложит это сам, и при этом у него не возникнет ни малейшего желания.

Цзян Есюэ продолжал смотреть в книгу, время от времени улыбаясь:

— Не пойду. Я сейчас калека, что мне делать на улице? Разве дома не уютно? А если станет душно, можно просто выйти подышать воздухом в рощу.

Старик едва верил собственным ушам и переспросил:

— Сяо Сюэ, неужели правда не хочешь? Сегодня же праздник фонарей, в Линьянь-чере так оживленно, на реке плывут разноцветные фонарики, такая красота. Говорят, нынче будет еще и фейерверк, а такое зрелище увидишь нечасто, упустишь — потом не вернешь. Тц-тц-тц, одна мысль об этом завораживает, право слово, жаль пропускать такую красоту.

— Чего тут жалеть, я и с горы все увижу.

Сердце Цзян Есюэ дрогнуло, потому что его пальцы, перелистывавшие страницы, сбились с ритма:

— Старый хрыч, раз тебе нужно идти — ступай и не мешайся тут. Я в прошлый раз натерпелся сполна, больше испытывать судьбу не намерен.

Он действительно боялся снова столкнуться с Мурун Чуи и остальными и решительно не хотел, чтобы из-за каких-то неожиданностей он снова страдал попусту.

Но старик, казалось, задался целью во что бы то ни стало уговорить его:

— Хе-хе-хе, Сяо Сюэ, не бойсь, на этот раз старик будет рядом, посмотрим, кто посмеет тебя обидеть.

— Ты... ты, старый хрыч! Ты ведь специально! — рассвирепел Цзян Есюэ и швырнул книгу прямо в старика.

Старик подыграл ему, уворачиваясь во все стороны, и при виде этого комичного зрелища Цзян Есюэ не удержался от смеха. Да, его сердце дрогнуло. Его манил обещанный стариком праздничный фейерверк, его тронуло обещание старика защитить его.

Оказывается, для счастья нужно совсем немного: всего лишь одна любимая вещь, всего лишь одно теплое слово. Но у него ведь когда-то был любимый человек, вот только дожидаться от него хоть одного теплого слова ему так и не довелось.

В конце концов, усовестившись ласковых уговоров старика, Цзян Есюэ вновь оказался в Линьянь-чере. Разумеется, они не могли оставить Пещеру Хуньтянь вдвоем, но старик пообещал составить ему компанию, поэтому слепил себе марионетку-двойника, чтобы та сопровождала парня вместо него.

— Старик, в Линьянь-чере вроде бы и смотреть не на что, все точно так же, как и в прошлые годы.

Цзян Есюэ сидел в кресле-каталке, которое катил двойник старика. Оглядывая празднование Праздника фонарей, ничем не отличавшееся от прежних лет, он чувствовал себя обманутым.

Неизвестно, где старик добыл для него красно-белые одежды, заявив, что в праздничный день подобает одеваться понаряднее, а затем тщательно его принарядил. Даже прическу он уложил иначе, чем обычно, и в то же время привычно — во всяком случае, от него повеяло какой-то непринужденной и легкой атмосферой. Конечно, это было еще не самое неприятное. Больше всего Цзян Есюэ не понимал, с какой стати старик нацепил ему на ухо серьгу с жемчужным лотосом и кисточкой. Хотя в таком наряде не было ничего из ряда вон выходящего, отчего-то всё казалось странным — будто его выдают замуж.

Хоть его и сопровождал марионеточный аватар старика, сам старик присутствовал здесь духовным сознанием: он отлично слышал всё, что говорил Цзян Есюэ, и мог отвечать ему.

Хихикая, старик произнес:

— Сяо Сюэ, не спеши. Время еще раннее, всё самое интересное впереди. Ступай пока перекуси

чего-нибудь, осмотришь не спеша.

— Раз рано, зачем тогда ты заставил меня вырядиться так рано? Я тут уже ледяным ветром наелся досыта, — Цзян Есюэ не удержался и бросил на него сердитый взгляд, но в конце концов позволил аватару старика катить его вперед.

Аппетита у него сейчас не было, и, следуя совету старика, он решил просто поглазеть по сторонам — вдруг найдется что-то занятное. В шумные толпы ему путь был заказан, оставалось лишь наблюдать издали.

Внезапно его привлек громкий зазывающий голос:

— Бамбуковые воиники! Только что сплетенные бамбуковые воиники!

Чуть впереди стоял крепкий молодой мужчина, чей бамбуковый коробок был доверху забит крошечными бамбуковыми воиниками — изящными и милыми, но при этом мощными и крепкими. Несколько ребятшек столпились вокруг, тщательно выбирая тех, что пришлись по душе.

— Старик, подъедем, взглянем, — бросил Цзян Есюэ, и аватар послушно покати кресло ближе.

Старик заговорил:

— Сяо Сюэ, у тебя же целая гора этих бамбуковых воиников, с чего бы вдруг такой интерес?

— Не твое дело.

Цзян Есюэ уставился на фигурки, и уголки его губ невольно поползли вверх. Но стоило ему протянуть руку, чтобы взять одну из них, как в голове вспыхнула резкая боль, а ладони пронзило жжением, и он испуганно отдернул руку.

— Молодой господин, что с вами? — заметив странное поведение Цзян Есюэ, встревоженно спросил торговец.

Цзян Есюэ с мягкой улыбкой ответил, что всё в порядке, а затем попросил аватара старика купить одного бамбукового воиника. Расплатившись, они тронулись в путь, оставив продавца в полном недоумении.

Тут же раздался напрашивающийся на неприятности голос старика:

— Раз у тебя такая глубокая травма на бамбуковых воиников Муроун Чуи, зачем тогда купил? Жалко расставаться?

Цзян Есюэ слегка нахмурился и, забыв о своем благопристойном лице, прямо выпалил:

— Старый хрыч, жить надоело? Ты меня сюда зачем вытащил — подышать свежим воздухом или помотать мне нервы?

— Хи-хи-хи, — виновато усмехнулся старик. — Сяо Сюэ, что за слова? Старик всё делает только ради твоего блага.

Цзян Есюэ сжав переносицу, тяжело вздохнул:

— Уж лучше бы ты действительно старался ради моего блага. В нынешнем моем виде меня любой может обидеть, так что лучше защищай меня как следует, а иначе...

Не успел Цзян Есюэ договорить угрозу, как беда сама нагрянула к ним.

Пока его катил аватар, он никуда не смотрел и совсем не следил за дорогой. Теперь же, подняв голову, он даже не понял, куда они забрели: вокруг простирался глухой, безлюдный переулок — из тех зланных мест, где постоянно случаются неприятности.

Дорогу им преградили больше десятка дюжих молодчиков.

Цзян Есюэ не испугался, лишь мысленно выругал старика раз этак сто, а вслух с напускной улыбкой произнес:

— Уважаемые братцы, не подскажите, что вам от нас нужно?

Главарь банды, заросший щетиной бугай, сделал шаг вперед, смерил Цзян Есюэ презрительным взглядом с ног до головы и громко расхохотался:

— А мордашка ничего так, даже у главных красавиц из Ифанло нет такой стати. Жаль только, калека... Ну да ничего, цена от этого сильно не упадет.

У Цзян Есюэ на лбу вздулись вены, руки под рукавами сжались в кулаки. Подобное происходило не впервые. Когда он лишился ног в войне и только вернулся в Чунхуа, каждый норовил унижить его в таком положении. Кто бы мог подумать, что и теперь найдется такое отребье.

Раньше он еще мог сдерживаться и разговаривать вежливо, но на этот раз чаша его терпения переполнилась:

— Старик, разнеси их в пух и прах!

Аватар старика испуганно пискнул:

— Сяо Сюэ, не стоит горячиться. К тому же это лишние хлопоты, дай им немного денег и отделаемся.

Но в ответ Цзян Есюэ окатал его ледяным взглядом:

— Откупиться деньгами и дело с концом? Ха-ха-ха, неужто ты хочешь смотреть, как меня продают в бордель?!

Старик принялся оправдываться:

— Сяо Сюэ, не сердись, старик вовсе не это имел в виду. Я же обещал защитить тебя в целостности и сохранности, своего слова я не нарушу.

Старик попытался сказать что-то еще, но Цзян Есюэ слушать его больше не желал:

— Дерешься ты или нет? Если нет, я сам за это возьмусь! Хуже будет, если я раскрою свою личность, а уж если они захотят убить меня — пусть убивают!

Видя, что Цзян Есюэ окончательно вышел из себя — да так, что не остановить и десятком быков, — старик больше не смел его злить, смертельно боясь непредсказуемых последствий. Ему пришлось уступить:

— Хорошо-хорошо, Сяо Сюэ, не гневайся, не гневайся. Старик сейчас со всем разберется. Только давай мы их просто вырубим, ладно? Убивать людей и поднимать шумиху всё-таки не дело.

Цзян Есюэ нахмурился еще сильнее, а во взгляде промелькнула жестокость:

— Если ты еще хоть слово скажешь, клянусь...

Испугавшись вспышки гнева Цзян Есюэ, старик немедленно принялся за дело.

Однако аватар оставался всего лишь аватаром. Старик изначально надеялся на удачу и полагал, что никаких происшествий не случится, поэтому и создал первого попавшегося марионеточного бойца. Хоть тот и не был слабым, противников набежало больше десятка, к тому же они, судя по всему, заранее просчитали уровень культивации аватара. Бандиты действовали слаженно, мгновенно взяв марионетку в плотное кольцо, и завязалась должная борьба. Именно этого они и добивались: пока одни отвлекали аватара, другие могли заняться беспомощным калекой.

А Цзян Есюэ ничего этого не заметил. Из-за пережитой вспышки ярости его тело охватило недомогание, в голове царил полный кавардак. Он зажал переносицу пальцами, пытаясь успокоиться, да и просто полностью полагался на силу старика.

Но в конце концов он жестоко просчитался.

Когда перед глазами промелькнуло густое белое облако дыма, он наконец сообразил, в чем дело, и поспешно закрыл нос и рот рукой, но было уже поздно — порог ядовитого зелья успел проникнуть в тело.

Будь ты проклят, старый хрыч! Если я еще хоть раз поверю тебе, пусть меня самого не зовут Цзян Есюэ!

<http://bllate.org/book/22459/2362188>